

Р2

Г. БАЙДУКОВ
ЧЕРЕЗ ПОЛЮС В АМЕРИКУ
РИСУНКИ А. ДЕЙНЕКА

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1938

Г. БАЙДУКОВ
ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ЧЕРЕЗ ПОЛЮС В АМЕРИКУ

Рисунки А. ДЕЙНЕКА

*Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи*
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1935 Ленинград

О СЕБЕ

Мальчиком я не мечтал об авиации. В то время совершались только первые полеты, и на полустанке Сибирской железной дороги, где жила наша семья, об этих полетах не слышал никто.

Отец мой был рабочим по ремонту пути. Мать мыла полы в чужих квартирах. А мы с братом носились по полям и лесам и присматривали за нашей коровой Буряной.

Так прожил я до восьми лет. Пришло время учиться, но там, где мы жили, школы не было. И вот я надолго оторвался от своей матери, которую так крепко любил. Отец определил меня в школу на станции Чаны. Учиться мне было легко, и оставалось много свободного времени.

Тихая жизнь станции мне надоела, я решил поглядеть на незнакомые города. Три года я скитался. Много раз поступал в школы, чтобы как-нибудь закончить начальное образование, но каждый раз меня исключали за баловство.

Совсем еще мальчиком я испробовал тяжелый физический труд. Работал я и чернорабочим и кровельщиком. Когда произошла Великая пролетарская революция, подростков снимали с тяжелой работы, и меня направили в профессиональную школу. В то время мне было уже пятнадцать лет. Я прилежно начал учиться и через четыре года знал слесарное, токарное, столярное и кузнечное ремёсла, знал математику и физику.

Когда нашей стране потребовались грамотные и сильные молодые пилоты, я записался добровольцем в ряды Красной армии и стал учиться в летной школе. Был я тогда еще упрямый, недисциплинированный, и много сил затратили командиры, чтобы сделать из меня хорошего летчика, сознательного гражданина и бойца своей родины. За это я им очень благодарен.

Теперь, когда я исколесил полмира, видел много стран, морей и океанов, я, вспоминая

свое суровое детство, думаю: что бы я делал, если бы не было советской власти?.. Наверное, остался бы кровельщиком.

Больше восьми лет я проработал летчиком в разных отрядах воздушных сил и только после этого начал мечтать о больших воздушных путешествиях. Мне хотелось летать там, где никто еще не летал.

И вот в 1936 году наша тройка летчиков — Чкалов, Беляков и я — пролетела по сталинскому маршруту, через суровые части нашей Советской Арктики и через горы Якутии.

А в 1937 году товарищ Сталин разрешил нам полет через Северный полюс в Америку.

Для нашего перелета был изготовлен большой самолет с хорошим советским мотором. Мы хорошо научились летать на нем, изучили все приборы.

О погоде на полюсе сообщил нам Папанин, который со своими храбрыми товарищами жил в то время на дрейфующей льдине.

В этой книге я и расскажу вам, ребята, как мы летели через Северный полюс в Америку.

Т. Байдуков

С ОЕДИНЕННЫЕ
ШТАТЫ
А МЕРИКИ

ВЗЛЁТ

Сейчас мы полетим в далекий и опасный путь. Все тепло оделись, попили чаю и поехали на аэродром.

Начало рассветать. Ветра нет. Прохладно. От леса надвигается низкая пелена утреннего тумана.

Первый час ночи 18 июня. Пора на самолет!

На взлетной дорожке стоит наша металлическая птица.

Собралось очень много провожающих. Большинство волнуется, у некоторых показываются слезы на глазах.

Мы лезем в кабину и окончательно укладываем ружья, патроны, лыжи, часы, измерители ветра, банки консервов и много других вещей.

Наконец все готово. Уже из кабиныжимаем десятки дружеских рук. Многие, подставив лестницу, поднимаются к нам, крепко обнимают и целуют на прощание. Наконец Валерий Чкалов уселся на свое место за управление. Я сел за его спиной. Саша Беляков закрыл входной люк. В боковые окошечки самолета было видно, как люди отходят в сторону. Стартер взмахнул белым флажком, вверх взвилась сигнальная ракета — и самолет тронулся. Мотор ревет изо всех сил. Самолет все быстрее и быстрее бежит вперед по дорожке. Затем прыжок — и мы повисли в воздухе.

Мелькают дымящиеся трубы заводов Щелкова. Аэродром остался позади. Прощай, Москва! Ну, вот мы и полетели в Америку через полюс!

В КАБИНЕ САМОЛЕТА

У каждого из нас есть много дел и обязанностей.

Чкалов должен восемь часов управлять самолетом.

Я должен четыре часа указывать курс самолету, следить, чтобы летели прямо к полюсу, и вести переговоры по радио.

Беляков первое время будет отдыхать. Пройдет время, Чкалов устанет, и тогда я его сменю. Беляков займется разговорами по радио и будет указывать направление самолета. Так, сменяя друг друга, мы и будем лететь.

В лощинах проплывающей местности — густые туманы. Чкалов в кепке и кожаной куртке кажется не летчиком, а шофером, который собрался прокатить нас за город. Он спокоен и все время заглядывает вниз.

Саша Беляков спит на масляном баке, подстелив под себя меховой спальный мешок. Его длинные ноги не умещаются на баке, они тянутся далеко за радиостанцию. Неуклюжие меховые сапоги смешно пошевеливаются, словно две мохнатые собачки.

По радио я передаю в Москву, как у нас работает мотор и где мы летим.

В кабине слышится непрерывный гул мотора. Советский мотор работает без перебоев, и мы хвалим своих рабочих и механиков.

Справа встает солнце. Оно проникает к нам через стекла кабины и сильно слепит глаза. Надеваю синие очки.

Время идет. Самолет быстро летит на север. Сейчас под нами много-много озер. Они большие, но из окна самолета кажутся малень-

кими—не больше тарелки. Впереди появились высокие перистые облака.

Нас долго сопровождали два самолета. Сейчас они поворачивают назад. Летчики машут нам из кабин и затем скрываются из виду. Становится немного грустно. Но наш краснокрылый гигант уверенно продолжает полет на север.

Мы постепенно забираемся все выше и выше.

Я часто измеряю приборами направление ветра, делаю вычисления правильности пути,

или, как летчики говорят, вычисляю курс. Все это записываю в красный журнал. А когда подходит время слушать радио, я надеваю наушники и настраиваюсь на Москву. Из Москвы нам дают знать, какая впереди погода. Часто спрашивают, как идут у нас дела. Для радио у нас другой журнал — синий. Туда мы записываем все разговоры с Москвой. Все, что я вижу, — все записываю в свой дневник. Когда кончится полет, у меня будет готова книга. Ее прочтут и ребята. Ведь им интересно знать о нашем полете.

Незаметно прошло полдня. Беляков проснулся, и я сдаю ему свое дежурство. Он аккуратно принимает от меня все приборы и книги.

Я пробираюсь к спальному месту, где только что отдыхал Беляков. Разгладив меховую подстилку, я ложусь спать за спиной Валерия.

ПЕРВАЯ ТРЕВОГА

Но поспать мне не удалось. Вскоре Беляков поднял тревогу. Он разбудил меня, стащив за ногу с удобной постели.

— Масло откуда-то бьет, — сказал Саша, указывая на пол.

Действительно, пол кабины был залит авиационным маслом. Я быстро пробрался к Чкалову и на ухо стал кричать о случившемся. Чкалов посмотрел на меня встревоженными глазами и взволнованным голосом закричал:

— Скорей ищи неисправность!

Все мы были встревожены. Опасные минуты! Ведь если уйдет все масло, то мотор обязательно остановится. Если мотор не будет работать, самолет потянет к земле, и мы не долетим до Америки. Мы не долетим до полюса... Мы не выполним задания любимого Сталина...

А Сталину мы дали клятву, и он надеется на нас.

Пересилив свое волнение, мы начали спокойно искать причину утечки масла. Откачали насосом масло из моторного бака в другой, запасной, вытерли несколько раз масло, появлявшееся в кабине. Тряпок у нас не было. Пришлось изрезать резиновые мешки, где находилось наше питание. Через несколько часов работы все же нашли причину и устранили ее. Оказывается, мы накачали слишком много масла, и этот излишек выбивало из моторного бака.

Так вышли из первой беды.

САМОЛЕТ ПОКРЫВАЕТСЯ ЛЬДОМ

Я спал крепким сном. В десять часов вечера меня разбудили. Как мне не хотелось просыпаться! Но Чкалов, мастерски совершив взлет, отсидел за рулем восемь часов и устал. Надо его сменить.

Я поговорил с Беляковым. Убедившись, что путь мы держим правильно, я полез на первое сиденье. Сменяться нам трудно — нужно проскальзывать рыбкой в тесной кабине, лезть боком, съезжившись.

Когда я поставил ноги на управление, Валерий что-то прокричал мне, но из-за шума мотора я ничего не разобрал. Валерий уполз назад. Я внимательно осмотрел десятки приборов и начал управлять самолетом.

Огляделся кругом. Оказывается, мы летим между двумя слоями облаков, которые вот-вот соединятся. Как будто не летим, а падаем в ущелье.

Самолет, сильно перегруженный, не может взлететь высоко. А нам хотелось, чтобы самолет мог всегда летать выше облаков. Облака, которые плывут по небу, не так уж безобидны. Часто бывает, что самолет, залезая в эти бело-снежные пары, вылетает из них, весь покрытый

льдом. А если лед будет толстый, то самолет
отяжелеет и снизится раньше времени или
даже упадет и разобьется о землю. Таких
облаков летчики боятся. Их нужно облетать.
Можно облететь поверху, можно обойти их
стороной или снизу. Но угадать заранее, об-

леденеешь или не обледенеешь в облаках, очень трудно.

Правда, есть облака, в которых можно лететь хоть целый день, и ничего не случится. Только нужно уметь летать вслепую. Птицы не могут летать, когда не видят земли. Если голубю закрыть глаза, он никуда не улетит.

А летчик в тумане или в облаках может летать. Он не видит ни земли, ни неба, но при помощи особых приборов знает, в каком положении находится самолет.

Слепой полет — моя специальность, и обязанность летать в облаках приходилась на мою долю. Как только наступал слепой полет, Чкалов уступал мне сиденье летчика. Так было условлено между нами еще раньше.

Теперь, когда я увидел, что кругом нас облака, мне стало понятно, о чем кричал Валерий, когда я садился за штурвал.

Взглянул на термометр — он показывает холод. Это плохой признак: в облаках можно ждать обледенения.

Самолет начало сильно покачивать. В кабине почувствовалась сырость. Земли совсем не видно. Она закрыта облаками. И солнце спряталось где-то за тучами.

Вот белизна водяных паров окутала крылья, и я вижу кругом белый пар. Удерживаю самолет только по приборам. Какие умные и хитрые эти приборы! Десятки стрелок указывают всю работу самолета.

Так шли минуты напряженного полета. Вдруг я заметил, что стекла передней кабины затягиваются слоем льда. Красные крылья стали белеть. Послышались удары, и самолет затрясло, как в лихорадке. Значит, обледенение сильное и очень опасное. Нужно срочно счистить лед с винта, иначе далеко не улетишь.

Я крикнул во все горло:

— Валерий!

Чкалов, с покрасневшими от усталости глазами, встревоженный, быстро подлез ко мне.

— Давай подкачивай жидкость на винт!

— Сейчас! — так же громко ответил мне Валерий.

Он быстро спустился с бака и начал качать насосом.

Струя особой жидкости, как из душа, обмывала металлический винт, счищая с него лед. Самолет стал спокойнее. Удары уменьшились.

Вот это были тяжелые минуты! У Чкалова, вероятно, прибавилось еще несколько седых волос.

Я понял: если мы пробудем еще немного в этих облаках, самолет разлетится на куски или сядет, перегруженный льдом, раньше времени на воду или на ледяную скалу.

Скорее вырваться из объятий обледенения! Выше, выше! Я дал полную силу мотору и стал забираться вверх. Самолет медленно берет метр за метром.

Слева начали пробиваться тусклые лучи солнца — значит, конец облачности близок. Через минуту появилось солнце, и мы, такие же сияющие и веселые, как его лучи, с гордостью посматривали на оставшиеся внизу облака.

Я с облегчением вздохнул и поглядел через плечо на Валерия. Он пережил немало и теперь, как-то по-серьезному улыбнувшись, стал кутаться потеплее в спальный мешок.

Под солнцем быстро очистились ото льда стекла моей кабины. Облака, через которые мы пробились, остались где-то далеко внизу.

На минуту внизу засинело море. Одинокiй пароход дымил трубами, проплывая под нами.

Я думаю о том, видели ли нас с парохода. Наверное, нет. Но гул мотора слышали наверняка и уж, конечно, сообщили об этом в Москву по радио. Наверно, и Сталину сообщили, что мы летим хорошо. Он волнуется больше всех — я в этом уверен. Ведь он любит весь народ, любит летчиков и следит за всеми, всех ободряет.

Мне становится приятно и тепло от этих мыслей.

ЧУТЬ НЕ ЗАБЛУДИЛИСЬ

Время летит быстро. Незаметно подошел срок смены. Поворачиваюсь назад и рукой торможу уснувшего друга. Чкалов протирает глаза. Вскоре я ему отдаю штурвал, а сам иду к Белякову. Беляков сидит за своим столиком расстроенный. У него сломался важный прибор. Этот прибор определяет по солнцу, как мы держим путь. Если этого прибора нет, то легко заблудиться.

Под ногами виднеются все те же облака. Они весь день закрывают от нас землю, и мы не знаем, куда залетели.

Беляков, устало наклонив голову, силится принять обрывки телеграфных звуков по ра-

дно. Его губы посинели, на лице появились морщины — он очень устал.

Я предложил ему отдохнуть, а сам сел на его место. Со свежей головой мне вскоре удалось исправить поломавшийся прибор. Какая радость! Теперь мы полетим прямо через полюс в Америку.

Тут же передал по радио в Москву последние сведения.

Я взглянул на часы. Они показывают одиннадцать часов вечера. В Москве уже темно, и все укладываются спать. Наверно, и моя маленькая дочь Эмма уже видит во сне петушка или медвежонка. А здесь, среди Ледовитого океана, летом нет ночи, и солнце светит, не закатываясь, с мая по сентябрь, много суток подряд. Солнце никак не налюбуется на далекие просторы ледяных полей. Но зато уж зимой солнце не выглядывает полгода.

ПОЛЮС

В лоб дует сильный ветер и здорово нас задерживает. Мы летим целые сутки. В Москве люди уже выспались и спешат на работу. А мы еще не добрались до полюса. Время

идет медленно. Кажется, что летим целый месяц. Это от усталости. Наверное, утомила большая высота полета.

За все время закусывали только раз. Да и съели-то всего по бутерброду с ветчиной. А московские ребята за это время успели поесть не меньше чем шесть раз. Но мы вам не завидуем. Вы еще маленькие — кушайте, зато в Америку летим мы. А когда прилетим, то и покушаем как следует.

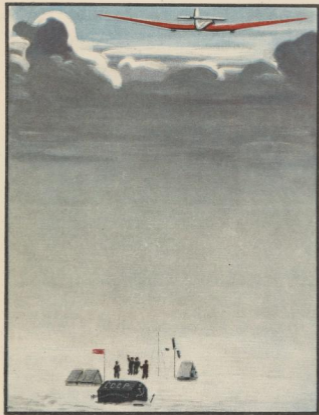
Вот пить хочется ужасно! Горло пересыхает. Но вода у нас холодная — как лед.

Скоро, скоро будет полюс!

Мы здорово утомились. Часто меняемся местами. Работать стало труднее — сильно бьется сердце. Ведь работа на земле куда легче, чем в воздухе, да еще над облаками. Двинуть рукой на высоте — это все равно, что поднять мешок зерна. Чтобы было легче, мы иногда дышим кислородом. Надеваем маски, как противогаз, и вдыхаем ртом через трубку кислород из металлической бутылки. Это здорово освежает человека.

А забрались мы все-таки высоко — четыре километра над землей!

Земли мы попрежнему не видим, она закрыта облаками.

У Белякова что-то случилось с радиостанцией. Он никак не расслышит Москвы.

Я сижу за штурвалом, веду самолет и жду с нетерпением, когда будет полюс. Беляков часто направляет приборы на солнце, чтобы не сбиться с пути.

Ровно в четыре часа утра 19 июня подлетели к полюсу. С огромной высоты полюс выглядит, как гигантская ледяная пустыня.

Все приборы и мотор работают хорошо.

Внизу на льдине сидят Папанин, Кренкель, Федоров и Ширшов. Они уже много дней живут одни среди молчаливых и суровых льдов; их льдина не стоит на одном месте, а движется вместе со всеми палатками. А папанинцы не боятся. Хорошие, храбрые советские ученые-полярники! Они сообщают погоду нам, летчикам.

Мы проходим над их лагерем. Но как жалко, что облака закрывают их от наших глаз!

Привет вам, отважные папанинцы! До свиданья, товарищи! Наш путь идет дальше...

Чкалов радуется, как ребенок. Он смеется, часто выглядывает за борт и, ослепленный блеском льда, щурится, надевает очки и вновь оглядывает просторы льдов.

Своей радостью мы решили поделиться с тем, кто нас научил храбрости и спокойствию. Мы составили телеграмму товарищу Сталину:

МОСКВА, КРЕМЛЬ, СТАЛИНУ.

Полюс позади. Идем над льдинами дальше к Америке. Полны желанием выполнить ваше задание. Все чувствуем себя хорошо. Привет.

ЧЕЛОВ. ВАЙД/КОВ, БЕЛКОВ.

Эту телеграмму послали по радио в Москву. Мы летим уже день, ночь и еще день.

НАД ПОЛЮСОМ НЕПРИСТУПНОСТИ

Местность между полюсом и Америкой называют „полюсом неприступности“. Здесь еще не летали самолеты. Мы, советские летчики, летим первые. С гордостью несемся над суровыми льдами неизвестной Арктики. Настроение бодрое и веселое. Погода улучшилась. Ярко-ярко светит солнце. Без очков нельзя смотреть на льды: можно в два счета ослепнуть.

Куда ни посмотришь, на сотни километров видны льды, льды и льды... Все белеет и блещит, чернеют лишь глубокие трещины.

Кругом — никакой жизни. Красивое и страшное зрелище!

А что если у нас сломается мотор и мы сядем на трещину? Тогда наверняка погибнем...

Но ровный и сильный гул мотора разгоняет наши страшные мысли, и мы спокойно

летим над неисследованными местами. Так прошло несколько часов. Но вот впереди мы заметили облака. Они начинались у земли и лезли высоко в небо. Как надоели нам облака! А тут и жидкость против образования льда уже кончилась.

Решили забраться выше облачности и пройти над ней.

В полдень самолет был на высоте шести с половиной километров над землей. Наверно, снизу нас никак не увидишь. Но облака еще выше нас. Воздуха для дыхания нехватает.

САМОЛЕТ В ОБЛАКАХ

Наконец стало ясно, что перелететь через облака мы не можем. Они вновь поглотили нас. На этот раз самолет швыряет, как игрушку. Я еле успеваю его выправлять. Так летим целый час. Дело плохо — опять нарастает лед на крыльях. Нужно уходить вниз. Убавляю силу мотора, и мы плавно скользим к земле.

Внизу появился просвет. Облака, как вата, разорвались. Мы увидели какой-то остров. Но не прошло и минуты, как он опять скрылся. В это время из передней части самолета что-

то вдруг брызнуло. Переднее окно самолета сразу покрылось толстым слоем льда. Значит, мотор выбросил воду, и она на морозе мгновенно замерзла.

Мурашки пробежали по спине. Я закричал во всю мочь, чтобы мне дали кинжал. Чкалов подал длинный и острый кинжал. Через боковое окно я просунул руку и срубил им кусочки льда. Получилось светлое окошечко, через которое я вновь увидел мотор. И — о, ужас! — прибор, стоящий над мотором, показывает, что в моторе нет больше воды. А без воды наш мотор не проработает и часа — сломается. Вот-вот — и мы безудержно пойдём вниз, как подстреленная птица.

— Воды, воды давайте, иначе сломается мотор! — закричал я Чкалову.

Чкалов бросился к баку с запасной водой и вместе с Беяковым стал осматривать его.

Там, в баке, были ледышки, но никак не вода. Где взять воды? Вон в резиновом мешке вода для питья. Но и она превратилась в лед. В других мешках то же самое. Беяков разрезает резину, раскалывает ледяную скорлупу и с радостью видит, что внутри ещё есть немного жидкости.

Валерий и Саша слили все остатки воды в запасной бак и взволнованно закричали мне:

— Есть вода!

Я начал качать насосом. Вскоре к мотору пошла вода. Прибор показал, что теперь все в порядке — мотор будет работать.

Осторожно я дал полную силу мотору. Он вновь, как и раньше, стал работать ровно и четко.

Через три часа мучений облако разорвалось, и мы вылетели на чистое голубое небо.

Внизу медленно проплывает большой остров. Виднеются еще бесчисленные черные островки меньших размеров. А вокруг них все забито льдом.

При помощи солнца и карты Беляков установил, что мы летим над островом Бенкс. Остров очень большой, изрытый оврагами и речушками. В оврагах — снег, на речках — лед. Берега островов высокие и обрывистые.

Мы опустились еще ниже. Как хорошо быть на такой малой высоте! За окном кабины мороза почти нет. Внутри самолета тепло. Дыхание нормальное. Настроение веселое. Даже захотелось поесть.

Я попросил Белякова дать мешки с путевым питанием. Вот курица, вот мясо, вот

ветчина, вот апельсины, яблоки и шоколад. Я выбираю розовые яблоки. Они промерзли насквозь. Даю Валерию и Саше и начинаю сам уплетать вкусное мороженое яблоко. Ломит зубы и приятно холодит внутри. Затем достал апельсины. Те совершенно промерзли и только на трубе отопления кабины оттаяли. Чкалов отказался от этого блюда. Он вообще ничего не ел всю дорогу. Беляков съел один апельсин, а я докончил остальные. Эх, как подкрепили испанские апельсинчики! За два дня и две ночи это только второй наш завтрак в пути.

ДОЛЕТЕЛИ

В Москве было семь часов вечера 19 июня, когда мы наконец подошли к берегам Америки. Ура! Ура! Задание великого Сталина выполнено. Это подбавляет бодрости и сил. Хочется сделать еще больше, чтобы наш народ и Сталин сказали: „Ну и молодцы ребята!“

Мы впервые пролетели над неизведанными местами, где еще не бывал до нас человек. Теперь начинались исследованные места.

Мы очень давно не сообщали в Москву, как идут у нас дела.

Я составил телеграмму:

СТАЛИНУ, ВОРОШИЛОВУ, КАГАНОВИЧУ, ШТАБУ ПЕРЕЛЕТА.

Я понимаю, что вы очень беспокоитесь. Но поймите, что у нас было много трудных часов полета. Теперь мы более свободны. Погода хорошая. Все здоровы. Передаю от экипажа наилучшие пожелания в ваших делах. Благодарю за все и прошу не беспокоиться. Трудное побороли и рады, что задание своего правительства и своего народа уже выполнили. Привет.

БАЙДУКОВ.

Все это передал по радио на американские станции. А они передадут в Москву.

Я сильно устал. Следует отдохнуть, а то скоро нужно сменять Чкалова. Положив голову на столик, я задремал сидя. У моих ног на полу еще спит Саша. Разбудил резкий свисток. Это Чкалов просит смены. Бужу Белякова. Сдаю дежурство, а сам лезу к штурвалу. Я дружески похлопываю Валерия, и мы от радости пожимаем друг другу руки. У него глаза налились кровью, но зрачки веселые и нежные. Он улегся за моей спиной. Как приятно сидеть за штурвалом, когда чувствуешь, что все, что мы уже сделали, радует не только нас, но и весь великий народ!

К вечеру увидели большую и извилистую американскую реку Мекензи. Кругом реки много болот и разливов.

В Москве давно уже лето. А здесь весна только началась. Земля голая, безжизненная, коричневого оттенка. Ни леса, ни кустарника.

Вскоре появляются высокие и суровые горы Америки. На вершинах лежат снега и льды.

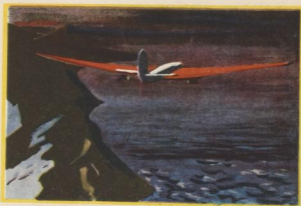
Погода вновь ухудшается. Горы закрылись облаками. Начинается сильная качка. Самолет испытывает воздушные удары. Крылья жалобно вздрагивают. Надо забираться выше, иначе ударишься о какую-нибудь скалу. От большой высоты в кабине стало морозить. Дышать трудно. Все надели кислородные маски.

Мы решили повернуть направо, подальше от опасных гор. К вечеру вышли из облаков. Внизу мы увидели бушующие волны Тихого океана.

Летим вдоль берега. Полет тянется уже два дня и две ночи.

„Сейчас в Москве полночь, — думаю я, — кремлевские часы играют „Интернационал“. А здесь, над океаном, только-только начинает темнеть“.

Чкалов проснулся. Он прекрасно отдохнул и теперь предлагает мне заняться тем же. Я, усталый, повалился на спальный мешок и сразу уснул.

Облачность постепенно поднимается снизу и из темноты подкрадывается к самолету. Земли и воды не видно. Солнце ушло куда-то за горы.

— Георгий, вставай, вставай!— слышу я сквозь сон и чувствую сильную руку Чкалова.

Вскакиваю на ноги. В кабине горят огни. Спросонья долго не понимаю, где же я нахожусь. Гляжу на часы. Всего восемь часов утра по московскому времени. А здесь наступила настоящая ночь. Как интересно устроен мир! У нас, в Советском Союзе, утро, а у американцев — ночь.

— Давай садись за штурвал!

Я лезу на сиденье летчика и ругаю все эти облака. Наступила темная южная ночь. Солнце долго нас выручало, и теперь впервые за двое суток оно скрылось из глаз. Очень жалко. Но ведь и солнышку нужно отдохнуть! В полночь из-за туч выглянула серебристая луна. Но скоро и она куда-то опустилась вниз. Стало темно, как в погребе. Товарищи мои безмятежно спят. Мне в эту ночь в облаках и над водами Тихого океана показалось страшно сидеть одному за штурвалом.

Но в трудные минуты я вспомнил, как Сталин всю жизнь никогда никого не боится и как он всегда выходит победителем. Вспомнил его ласковые глаза и сразу забыл об усталости и страхе.

В темноте громко запел песню о моей родине. Но звуки песни глушил веселый свист ветра, пронесившегося за окнами кабины.

Перед рассветом проснулись Чкалов и Беляков.

Настроение у всех прекрасное. Только Саша Беляков очень обиделся на американцев — они ведут разговор по радио на своем языке, а Беляков их не понимает.

Слева, где-то далеко внизу, замелькали огни океанского парохода. Мы повернули к земле.

Выглянуло солнце. Теперь ясно видны большие и незнакомые города Америки. Гористая местность прорезается широкими долинами рек. Пошел сильный дождь.

АМЕРИКА

Мы подсчитали, на сколько времени хватит у нас бензина. К сожалению, его немного.

Мы влезли в дождевые тучи. Дождь густой и теплый. Жалко, что скрылась земля. Ведь интересно посмотреть чужие города. Время идет. Мы летим все дальше над американской землей.

Но вот сигнальный прибор дал знать, что нужно садиться. Бензина почти нет. Всем нам хотелось лететь дальше и дальше. Но ничего не поделаешь — надо спускаться. Без особого желания пробиваемся вниз, к земле. Облачность кончилась, и мы оказались над широкой рекой. Рядом виднелся город. Мы его разглядели. Оказывается, это Портланд. Здесь была скверная, туманная погода.

Полетели низко-низко над крышами домов, пока не нашли места, где садятся самолеты.

Хорошенько разглядев посадочное поле, благополучно опустили на землю.

Самолет с надписью по бокам „Сталинский маршрут“ уже давно ожидали американцы. Много народу бежит навстречу. Все машут руками. Но что они кричат, мы не разбираем. Они говорят на своем языке.

Я выключаю мотор. Веселый и мощный гул пропеллера смолкает. Становится тихо-тихо. Я открываю люк и выпрыгиваю из самолета.

Под ногами — американская земля. Теперь ясно, что задание нашего вождя Иосифа Виссарионовича Сталина мы выполнили с честью. Дорога, соединяющая Старый и Новый Свет через суровую Арктику, открыта советскими летчиками.

Я гляжу на улыбающихся товарищей. Они после трех суток работы очень устали, но в глазах их светится радость. Мы обнимаем друг друга, целуемся и поздравляем себя с победой.

Из Портланда мы разговаривали по радио и по телефону с Москвой. Доложили о конце полета. Москва нас поздравила от имени товарища Сталина.

В МОСКВУ!

Нам хотелось как можно скорее вернуться в Москву. Но поневоле приходилось останавливаться в городах Америки — Сан-Франциско и Нью-Йорке, и в Париже — столице Франции. Везде были многолюдные встречи.

Но скорей, скорей в Советский Союз! Как радостно увидеть вновь дорогую родину!

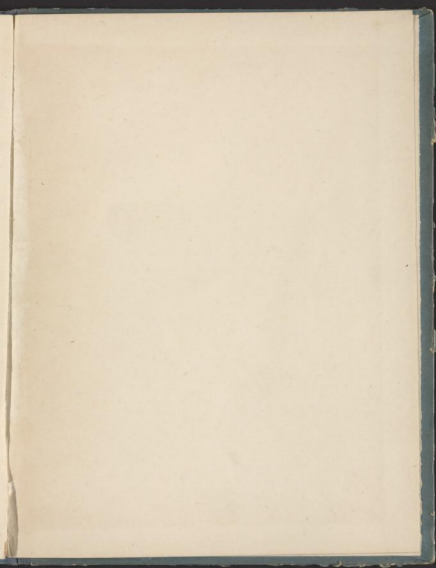

От самой границы и до Москвы на каждой станции поезд ждали тысячи советских граждан. Наш вагон забили цветами. Мы охрипли от непрерывных рассказов.

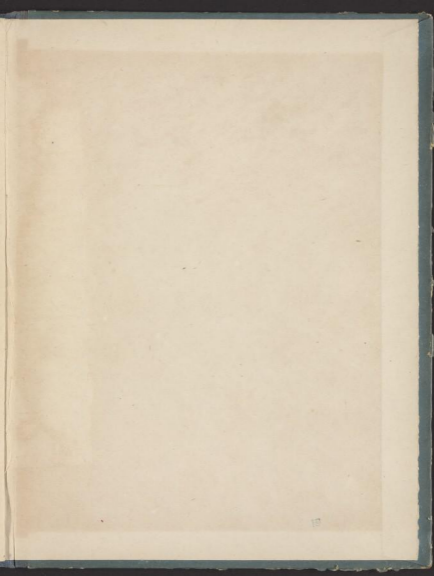
Но вот и Москва. Миллионы москвичей вышли нас встречать.

Через весь город мы проехали, как любимые дети своего народа. На пути в Кремль нас забросали цветами и приветственными листовками. Вся Москва приветствовала нас.

В Кремле нас встретили товарищ Сталин и все правительство. Иосиф Виссарионович Сталин обнял нас, как родных сынов. Это была самая дорогая награда!

153240

Цена 2 р. 25 к.

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Отец, редактор **И. БЕЛАХОВА**, Ученый редактор **А. ЧЕГОДАЕВ**, Технический редактор **З. ТЫШКЕВИЧ**,
Корректоры **Е. РАВИНЕР** и **С. ЗИНОВА**.

Сдано в производство ЦПУ ДШС 1. Подготовлено к печати 1. VI 1951 г. Датируется 26 IX 51. Объем 215
2 иллюстраций. Тиражиры Б-86500. Формат 84x107^{1/2} мм. 3 печ. листов и 3 обложки. Бумага М 5/5. Тираж 20-300 экз.
(5-25 с.) Цена 1 р. 75 к. Переплет 54 к.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦС ДШСМ. Москва, Суворовский вал, 59.